

цессов. Возможно, изменение происходит вследствие различной плодовитости отдельных частей популяции. Во всяком случае, к такому выводу склоняют нас анализ плодовитости разных генеалогических групп у манси и тот факт, что различия между более и менее плодовитыми частями популяции носят типологический характер (а именно менее плодотворной части популяции в большей мере свойственны признаки древнеуральской расы, которая выделяется в составе манси, восточных финнов и некоторых других групп).

Таковы основные особенности генетической структуры небольших популяций, которые на протяжении существования человечества составляли основную воспроизводящую единицу.

В настоящее время начато изучение больших популяций, представляющих население крупных городов²⁴.

²⁴ Курбатова О. Л. Генетические процессы в городском населении (историко-демографическое исследование популяции г. Москвы): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. биол. наук. М.: НИИ антропологии, МГУ, 1977.

А. Мардонова

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ДЕТСКОГО ЦИКЛА У ТАДЖИКОВ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Традиционная обрядность народов Средней Азии и Казахстана, связанная с первыми годами жизни ребенка, — одна из тем, разрабатываемых в плане подготовки историко-этнографического атласа этого региона. В советской этнографической литературе ей посвящен ряд работ¹. Таджикскую обрядность, связанную с детьми, первым описал А. Гребенкин². В 1926—1927 гг. эту обрядность изучала у таджиков верховьев Зеравшана А. Л. Троицкая, работавшая в крупнейших кишлаках Фальгарской (к. Урмитан), Матчинской (к. Мадрушкат) и Искандеровской (к. Шурмашк) волостей, и посвятила ей специальное исследование³.

Данная статья основана на материалах, собранных автором в 1959—1961 гг. (в составе Зеравшанской этнографической экспедиции Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР) в тех же кишлаках, где работала А. Л. Троицкая. Кроме того, сведения получены в кишлаках современных Айнинского и Пенджикентского районов (Рог, Зимтут, Махшевад, Ёри, Мазар, Верхний Гезан, Нижний Гезан, Панджруд, Некот, Джик, Рарз, Ремонт и др.), а также в г. Пенджикенте. Выбор для обследования районов, изучавшихся более 30 лет назад А. Л. Троицкой, позволил выявить изменения, происшедшие в обычаях и обрядах детского цикла, в отношении к ним населения.

Надо сразу же подчеркнуть, что в 1926—1927 гг. эти обряды еще бытовали, и А. Л. Троицкая могла сама наблюдать все обрядовые действия, выполняемые последовательно чуть ли не с момента зачатия ребенка до достижения им 7—8 лет. Она тщательно проанализировала обряды, выявила связанные с ними представления, магический смысл каждого действия. Мы же застали интересующую нас обрядность на стадии угасания: полностью цикл ее обнаружить не удалось, сохрани-

¹ Библиографию см.: Рахимов М. Р. Рождение и воспитание ребенка. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе: Дониш, 1976, в. 3, с. 171—172.

² Гребенкин А. Заметки о Когистане. — Туркестанские ведомости, 1872, № 27, 32.

³ Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. — Сов. этнография, 1935, № 6, с. 109—135. Далее ссылки на эту работу даются в тексте статьи.

лись лишь отдельные его элементы, многое утрачено или переосмыслено, какие-то действия выполняются чисто символически, в силу традиции.

* * *

Издавна у народов Средней Азии, в том числе у таджиков, многочисленное потомство считалось признаком благополучия семьи. Об этом свидетельствуют и некоторые пословицы (например: «Ребенок — опора старости», «Жизнь рыбы связана с водой, а жизнь человека — с детьми»). Однако социально-экономическая и культурная отсталость народов дореволюционной Средней Азии, различные эпидемии и болезни, отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводили к большой детской смертности. В народном быту широко применялись различные магические обряды, призванные обеспечить детям здоровье и долголетие.

Первые 40 дней (чилла). У таджиков верховьев Зеравшана, как и у других народов Средней Азии, первые 40 дней после родов считались очень опасными для новорожденного и роженицы. Полагали, что некоторые магические обряды могут защитить мать и ребенка от действия злых духов: демонов, дивов, алмасты и др. Так, в течение 40 дней в комнате, где находились роженица и новорожденный, не гасили свет. А. Л. Троицкая отмечает, что это соблюдалось лишь в состоятельных семьях; в семьях же малоимущих огонь оставляли на ночь только пять—семь дней (с. 119). Роженица не должна была выходить на скотный двор, чтобы находящиеся там злые духи не причинили ей вреда; в период чилла запрещалось давать соседям соль, вообще выносить из дома и вносить в дом пищу. Сама роженица считалась ритуально нечистой, ей нельзя было целоваться, замешивать тесто. По обычаю, бытовавшему у многих народов Средней Азии, под подушку роженицы и младенца клали лук, нож и хлеб, а на дверную ручку и на потолок вешали красный перец, так как верили, что злые духи не любят острых вещей и резких запахов. На ребенка надевали рубашку, сшитую из старой одежды бабушки или дедушки («чтобы он достиг их возраста»).

Табуацию отдельных слов, отмеченную А. Л. Троицкой, мы не зафиксировали (раньше нельзя было произносить в присутствии роженицы и новорожденного слова *калид* — «ключ», *дик* — «котел», *кўза* — «кувшин»; см. с. 118).

Одним из главных обрядов периода чилла было купание младенца. Делали это не часто. В кишлаках Гезан, Некнот, Рашна, Искодар, Магиян и др. в первые 40 дней женщину и ее новорожденную дочь купали четыре раза, а если у нее рождался сын, то всего два раза (полагали, что у женщин грехов больше, значит и мыться им нужно чаще). В семьях, где умирали дети, новорожденного не купали до 40 дней, веря, что это спасет его от злых духов. Обычно же младенцев купали на 20-й день.

В настоящее время такого рода суеверия ушли в прошлое. Теперь ребенка стараются как можно раньше приучить к воде. Молодые родители моют младенца один—два раза в неделю. Обрядовая форма сохранилась в ряде кишлаков лишь в обычае первого «омовения» ребенка в «особой» воде, в которую добавляют немного бараньего жира, закваску для теста, горсточку соли и «наследственное», переходящее из поколения в поколение, кольцо матери, т. е., как пишет А. Л. Троицкая, «предметы, символизирующие богатство, достаток, здоровье и счастье» (с. 120). Считалось, что в этом случае ребенок вырастет упитанным и крепким. Первое омовение обычно совершала *момо* — повитуха. Она раздевала ребенка, сажала его в таз, поливала из кувшина приготовленной водой и приговаривала: «Вода худая — ребенок полненький, горные козлы худые — ребенок полненький, земля худая — ребенок полненький». После мытья младенца вытирали и дули на его тельце, веря, что это обеспечит все ту же полноту. Воду после купания выливали на корни плодового дерева или на кучу бараньего помета, чтобы младенец получил спокойный нрав и упитанность барана.

Обряд первого купания подробно описан А. Л. Троицкой, причем ее материалы в основном совпадают с нашими. Различия прослеживаются лишь в деталях: в воду клали, по данным А. Л. Троицкой, также кусочек мяса, вату, землю, семь зерен пшеницы, серебряную монету (набор предметов варьировал в разных кишлаках), ребенка сажали не прямо в таз, а на ноги матери (или повитухи), которые она, усевшись «на приступочку», держала в тазу; головку ребенка в некоторых кишлаках мыли молоком матери (с. 120—121).

Обряд одевания был довольно сложным. Новую рубашку — *куртаи чиллаги* предварительно надевали на кол (чтобы ребенок вырос крепким, как кол), потом на собаку, трижды повторяя: «Будь быстроногим, как собака», и лишь после этого — на ребенка, приговаривая: «Одну надев, сто таких порви, жизнь рубашки коротка, жизнь ребенка пусть будет долгой». По сведениям А. Л. Троицкой, подобные обряды сопровождали и надевание первой рубашки сразу после рождения ребенка или после отпадения пуповины, либо на третий день (с. 121).

В период чилла выполнялся также обряд поздравления с новорожденным; мы не описываем его, так как теперь это просто веселый семейный праздник. Отпадение пуповины, «опасные» ночи (третья, пятая, седьмая — «седьмица» и девятая) не обязательно отмечались специальными обрядами уже в 1926—1927 гг., когда изучала обряды детского цикла А. Л. Троицкая.

Укладывание в колыбель (*гаворабандон*). Для ребенка раньше, как правило, не приобретали новой колыбели, а использовали старую, взятую у многодетных соседей (такая колыбель считалась *бахосият* — «счастливой»). А. Л. Троицкая пишет, что чаще всего «положение в колыбель... назначается... через девять дней после рождения» ребенка, так как первые девять дней были наиболее опасными для него, но в кишлаках Матчинской волости иногда клали в колыбель на третий, шестой, седьмой день (с. 126). В кишлаках Магиян, Рог младенца клали в колыбель на пятый—седьмой день после отпадения пуповины. Обычно гаворабандон справляли особенно празднично только для первенца либо для ребенка, родившегося после долгого перерыва; для остальных детей этот обряд отмечали менее торжественно. Все детские вещи, и прежде всего колыбель, при рождении первенца должны были принести родители жены. Для укладывания ребенка в колыбель выбирали «счастливый» день (понедельник, среду или пятницу) и «хорошее» число. Обряд гаворабандон бытует в некоторых семьях обследованных кишлаков и в настоящее время. Большое внимание в обрядовом цикле всегда уделялось самой колыбели: уже упоминалось, что она считалась «счастливой», если детей в семье было много, и переходила от одного ребенка к другому. Если же, наоборот, в семье умирал ребенок, «виноватой» в этом считали *бехосият* — «несчастливую» колыбель. Нам говорили, что ее охотно уносили из дома. Так, в кишлаках Зимтут, Магиян, Фараб, Некот был даже специальный обряд (А. Л. Троицкой он не отмечен): колыбель умершего ребенка «наряжали», несли на кладбище и оставляли там, говоря: «Ты убил (забрал) моего ребенка, возьми и колыбель». Иногда «несчастливую» колыбель отдавали цыганам.

Некоторые из зафиксированных нами названий частей колыбели и ее оснащения отличаются от приводимых А. Л. Троицкой. По ее сведениям, тюфячок, набитый шелухой от проса или мелкой соломой, который клали на дно колыбели, назывался *арзандон* (с. 125), по нашим — *каки* (к. Рог); широкие ленты для привязывания ребенка к колыбели по данным А. Л. Троицкой — *дасбанд* и *побанд* (с. 125), по нашим — *дасранг* и *поранг*. Надо отметить, что названия частей колыбели и ее оснащения значительно варьировали в разных кишлаках: так, отводная трубка, по которой моча стекала в горшочек, в Пенджикенте называлась *сумак*, а в к. Рог — *дуньёяк* и т. д. Различным было и покрытие колыбели — *гаворапуш*. А. Л. Троицкая пишет о ватном одеяле или шерстяном паласе *гилем* (с. 125). По нашим сведениям, покрывала и

матрасики для младенцев, так же как халатики, рубашки и тюбетейки для детей постарше, часто шили из разноцветных кусков ткани — *куррок* (считалось, что это предохраняет от сглаза).

Перед укладыванием младенца колыбель тщательно очищали огнем и окуривали (*алас*), для чего повитуха зажигала тряпку и трижды обводила ею вокруг колыбели, приговаривая: «Пусть моя рука коснется тебя, а не горе; не моя рука, рука святых, рука Фотимы и Зухры, бабушки Хадичи и Кибриё, во имя бога, пусть твой сон будет, как у медведя, а жизнь долгой, как у арчи⁴, покой и благополучие, аминь».

На празднование гаворабандон приглашали всех женщин кишлака с детьми. Им подавали плов, чай со сладостями, но основным угощением были лепешки, которые начинали печь в доме еще с утра. А. Л. Троицкая пишет (с. 126), что в к. Шурмашк их называли *нимтуй* (нами это название не зафиксировано). Пекли также, о чем сообщает и А. Л. Троицкая, две очень толстые лепешки — *нони сари гавора* (хлеб для колыбели); их разламывали и давали по кусочку всем присутствующим, а кусочек обязательно клали в колыбель, в изголовье (с. 128). По нашим сведениям, специально для колыбели выпекали небольшую лепешку *кулчанун*.

Во время угощения застеленную по всем правилам колыбель ставили на видном месте на шкуру барана («чтобы сон ребенка был крепким, как у ягненка»). Само укладывание ребенка в колыбель совершала многодетная, спокойная и добрая женщина. Но предварительно окуривали ребенка («от сглаза»), для чего повитуха обносила всех присутствующих дымящейся на подносе травой — *испанд*, а гости бросали в огонь по одной нитке от своей одежды. Ребенка трижды обносили вокруг дымящейся травы, а затем клали остатки ее в горшочек под колыбелью.

Прежде чем положить ребенка в колыбель, туда поочередно клали зеркало, гребень, точильный камень, лук, веник и маленькую лепешку *кулчанун*. Каждый предмет трижды опускали в колыбель вместо ребенка, спрашивая: «Так ли положить ребенка?» Два раза все женщины хором отвечали отрицательно, и только на третий раз — утвердительно (точильный камень и веник клали младенцу в ноги, остальное — под подушку). Всякий раз при выпечке в доме хлеба надо было *кулчанун* заменить свежей лепешкой (старую отдавали девочке-сироте, которая, покачав ребенка, съедала ее). Считалось, что зеркало и гребень «округляли» голову младенца. Перец и лук помещали в колыбель, чтобы обезвредить действия ведьмы (*ачина*) и дива, камень — чтобы ребенок вырос крепким; веник по старинным народным представлениям означал чистоту и «спутника» ребенка, якобы отгоняющего злых духов.

Укладывание в колыбель самого ребенка проходило в том же порядке: дважды его клали неправильно, и только на третий раз помещали голову на подушку, приговаривая: «Удовольствуйся доставшимся от дедушки и бабушки, спи спокойно. Не бойся лая собаки, крика осла, не бойся ссоры отца с матерью, не бойся грома и молнии». В Пенджикенте на перекладине колыбели над головой младенца кололи семь орехов, говоря: «Не бойся скандалов, лая собаки, мяуканья кошки, не бойся дивов и пари⁵, не бойся криков людей. Пусть сон твой будет, как у медведя, а жизнь, как у арчи». В к. Шурмашк, как сообщает А. Л. Троицкая, орех разбивали на перекладине колыбели в ногах ребенка (с. 127). В к. Мазар орехи не употребляли в семейной обрядности, так как полагали, что они вызывают скандалы.

После укладывания ребенка повитуха «плевала» ему в рот, произнося: «Сон отдала тебе, жизнь отдала тебе». Затем колыбель с младенцем поверх покрывала гаворапуш накрывали еще шкурой барана, что должно было способствовать спокойствию и здоровью новорожденного, или скатертью — это означало пожелание богатства и изобилия. Родственники осыпали колыбель конфетами и кишмишем, а присутст-

⁴ Арча — древовидный можжевельник.

⁵ Пари — «фея».

вующие, особенно дети, весело их собирали. После этого повитуха клала под подушку ребенка слева зеркало, а справа гребенку (чтобы покормить ребенка, мать могла сесть и с правой и с левой стороны колыбели). По окончании праздника каждый гость подходил к колыбели и, дотронувшись до нее, говорил: «Отдам тебе сон и всю жизнь».

В кишлаках Ёри, Фароб, Нижний Гезан и в г. Пенджикенте в день гаворабандон после угощения пловом исполнялся обряд, о котором мы не нашли сведений в литературе. Он заключался в следующем. Провожая женщин, повитуха становилась у порога с шумовкой (*калбес* или *қошуқи ошқаши*) в руке и ударяла ею по спине каждую уходящую, говоря: «Отдай свой сон ребенку». Женщины на это отвечали: «Ваши болезнь и несчастье да перейдут мне, отдала все сны младенцу, пусть ему принадлежит медвежий сон и жизнь его будет долгой, как у арчи»⁶.

Наречение имени (номгузори). В прошлом этот обряд проводился в различных кишлаках в разное время: на 7, 9 или 13-й день после рождения. Выбор имени зависел от многих обстоятельств: от времени года, месяца и дня недели, в которые ребенок родился, от близости календарного или сельскохозяйственного праздника и пр. В семьях, где часто умирали дети, им давали имена, обозначающие какие-либо прочные предметы: Сангак (букв. маленький камень), Тоштемир (камень-железо), Болта (молоток), Теша (вид топора), Табар (топор) и др. Верили, что подобные имена отпугивали от ребенка злых духов.

В верховьях Зеравшана до наших дней сохранился отмеченный А. Л. Троицкой и бытующий у многих народов обычай давать ребенку имя кого-либо из умерших родственников. В таких случаях мать, обращаясь к ребенку, называет его *оча* («мать»), если он носит имя ее покойной матери, или *додо* («отец»), *биби* («бабушка»), *бобо* («дедушка») и т. д. в зависимости от того, в чью честь ребенок назван. Само имя умершей матери или бабушки может и не произноситься (см. с. 127). Имя давал ребенку один из старших и почитаемых членов семьи или кишлака, человек, проживший долгую жизнь. Полагали, что долголетие и хорошие качества старейшего перейдут к младенцу. Раньше наречение имени происходило следующим образом: старик наклонялся к уху младенца и сначала произносил слово *азон* (мусульманский призыв к молитве), а затем называл имя, выбранное родителями. Считалось, что, если этого не сделать, ребенок не будет мусульманином и даже может стать глухим⁷. Детей, названных в честь предков, старались не обижать, иначе предки могут отомстить. Двойняшек-мальчиков, как отмечает и А. Л. Троицкая, часто называли Хасан и Хуссейн, девочек — Фатъма и Зухра, мальчика и девочку — Хасан и Хусенамо (с. 127). В некоторых кишлаках верховьев Зеравшана (Джик, Панджруд, Ремонт) мальчикам раньше часто давали арабские имена.

За годы Советской власти изменились обычаи, связанные с наречением имени ребенку. В 30-е годы стали давать имена, отражающие социальные перемены, происшедшие в стране: Давлат (государство богатство), Ватан (Отечество), Аскар (солдат), Колхозчи (колхозник), Озод (свободный) и др. Теперь родители, выбирая имя, как правило, прислушиваются к советам старших родственников, друзей. А порой, услышав благозвучные имена по радио или узнав о них из телепередач либо из газет и журналов, они дают их своим детям. Вышли из употребления имена, унижающие достоинство человека (например, Қул — раб). В настоящее время часто встречаются имена, начинающиеся словом *гул* — «цветок» (Гулзора, Гулрухсор, Гулбадан, Гулчеҳра, Гулбаҳор и др.), а также связанные с драгоценными камнями: Ёкутой (рубин), Дурдона (жемчужина), Марчона (коралл), Фируза (бирюза), Зумрад (изумруд), Садаф (перламутр), Гавҳар (жемчужина). Детей

⁶ См., также: Гребенкин А. Указ. раб., № 32.

⁷ Пещерева Е. М. Рождение и воспитание ребенка. — В кн.: Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 185.

охотно называют и именами легендарных и исторических героев: Рустам, Сухроб, Чамшед, Абулк, осим, Искандар, Мехрангез, Фарход.

Окончание сорока дней (чиллагурезон). Период чилла завершался, как правило, обрядом чиллагурезон (*чилла* — сорокодневье, *гурезон* — прогонять). А. Л. Троицкая отмечала, что иногда этот обряд устраивался на 20-й день. По ее мнению, «*çilla* разделяется ... на первые двадцать дней и вторые двадцать дней, и каждая из половин называется *çilla*» (с. 128).

На 40-й день женщина с младенцем впервые выходила на улицу и навещала свою мать. Вместе с нею были свекровь, соседки, подруги; обычно брали с собой небольшое угощение. Мать роженицы осыпала головку ребенка мукой, приговаривая: «Живи до старости, достигни моего возраста». В к. Покут она на пороге своего дома разбивала чем-нибудь камень («чтобы тело ребенка было крепким, как камень»). Все эти действия относятся к имитативной магии и направлены на то, чтобы ребенок рос крепким, здоровым, спокойным.

Аналогичные сведения о проведении обряда чиллагурезон содержатся и в работе А. Л. Троицкой. Кроме того, она отмечает, что в Искандеровской волости с ребенком заходили в семь домов, и всюду ему давали лакомства, а в некоторых домах дарили материю (с. 128). Новое, зафиксированное нами в проведении обряда, заключается в посещении хлева⁸. В кишлаках Фароб и Рашна молодая мать, прежде чем войти в дом своих родителей, заходила в хлев — *оғил*. В к. Рог мать в хлеву сажала ребенка на барана, приговаривая: «Пусть твои кишки будут длинными, как у барана, будь спокойным подобно барану, пусть у тебя вырастут зубы, мелкие, как у барана». Затем она клала в подол рубашки ребенка бараний помет, который сжигала, придя домой, а его золой смазывала тело младенца. Остаток золы бросали в горшок (*тувак*), привязывавшийся под отверстие в колыбели. Если же у молодой матери не было ни матери, ни бабушки, ни сестер, то она шла в хлев соседей или дальних родственников и там совершала эти действия, причем по обычаю надо было обойти семь хлевов.

Первые слова ребенка (аввалин сухангуи кӯдак). С 3—4-х месяцев родители и родственники начинают разговаривать с ребенком, чтобы он, слушая речь, скорее научился говорить. Во многих кишлаках и селениях долины Зеравшана (Зимтут, Панджруд, Вору и др.) старались не пропустить момента, когда ребенок впервые среди своего непонятного лепета случайно назовет отца, мать или кого-нибудь из родных (*додо* — отец, *оча* — мать, *бобо* — бабушка, *биби* — бабушка, *амма* — тетя по отцу, *хола* — тетя по матери). Названный должен был подарить ребенку барана или козу. Животное позднее закалывали в «счастливый день» или в день какого-либо праздника (например, первой стрижки волос девочки или обрезания мальчика) и приготавливали угощение. Теперь это делают в день рождения, когда ребенку исполняется год.

Кроме того, когда ребенок впервые начинает говорить, исполняют и другой обряд: мать замешивает тесто и моет руки в чашке с водой. Этой водой с тестом (*оби лаққа*), бабушка по отцу кормит ребенка, приговаривая: «Пусть язык у тебя будет острым».

Таджики долины Зеравшана, как и многие другие народы, верили, что если первым ребенком произнесет имя отца, то следующим новорожденным будет сын, а если имя матери — дочь.

Если ребенок начинает ходить раньше, чем научится хорошо говорить, то берут остатки пищи с тарелки какого-либо очень красноречивого гостя и приятного собеседника и кормят ими ребенка. Аналогичный обряд известен и у киргизов.

Появление первых зубов. До недавнего времени в отдельных семьях бытовал интересный и весьма распространенный у таджиков в про-

⁸ Аналогичный обряд бытовал у таджиков г. Самарканда, см.: Сухарева О. А. Мать и ребенок у таджиков. — В кн.: Иран, III, 1929, с. 153.

шлом обряд *дандонмушак*, связанный как с появлением первого молочного зуба, так и с его выпадением⁹.

Зубы у детей прорезаются в разное время. При нормальном развитии ребенка первый зуб, как известно, должен прорезаться в 6–8-месячном возрасте; более позднее появление свидетельствует о каких-то нарушениях в развитии организма. В народе же позднее прорезание зубов считалось признаком крепких и красивых зубов — *гавҳардандон* («жемчужные зубы»), а раннее, в 3–5-месячном возрасте, обещало в дальнейшем непрочные зубы (*гуҳдандон* — «дрянные зубы» или *сагдандон* — «собачьи зубы»).

При прорезании зубов, как известно, чешутся десны, поэтому ребенку давали очищенную морковь, яблоко или же к его ручке привязывали очищенную косточку — *дандонхораки устухони*. А. Л. Троицкая сообщает, что в этот период на ручку ребенка «навязывается ... браслетик из бус с длинной костяной палочкой», называвшийся *дандон халилак* (с. 130–131). В настоящее время дают ребенку покупные резиновые игрушки или специальные колечки. Они смягчают десны, и зубы быстрее прорезаются.

Обряд, которым отмечалось появление первых зубов, совершался торжественно с участием женщин и детей. Происходило это так: мать с ребенком шла к воротам семи домов, в которых живут многодетные, обеспеченные и счастливые люди, и, подражая детской речи, просила разные продукты. При этом она пела шутивную песенку:

Мышка-мышкин зуб!
О гумно полное цветов мышки!
Мы пришли издалека
Ради одного зубочка мышонка.

Дайте нам муки испечь лепешек,
Дайте нам пшеницы кашу сварить,
Дайте нам орехов погрызть,
Дайте нам урюк пожевать.

Получив тарелку муки, сушеные фрукты, рис, пшеницу, горох, орехи, она приносила их домой и готовила угощение. Из муки пекли маленькие лепешки *кулча*, из пшеницы варили кашу *оши куча*; готовили также суп с лапшой, иногда плов. Этими блюдами угощали приглашенных гостей. В кишлаках Джик, Такфон после угощения приводили и ставили посредине комнаты ребенка — виновника торжества. Одна из наиболее почтенных и уважаемых женщин осыпала ему головку конфетами и вареными бобами, приговаривая: «Вырастай большим, доживи до глубокой старости, пусть зубы твои прорежутся так же быстро, как быстро всходят бобы, пусть у тебя прорежутся молочные зубы». Присутствующие дети и женщины весело, с шутками собирали сласти. У памирских таджиков в Шугнane при появлении у ребенка первых зубов приготавливали кашу из размельченных пшеничных зерен. Прежде чем взрослые приступали к еде, ребенку мазали губы и десны (дескать, он уже «созрел» для пищи взрослых). Иногда мать сажала ребенка на барана, «чтобы зубы были мелкими и красивыми, как у барана».

Цель всех этих магических действий заключалась в том, чтобы обеспечить легкое, без боли, прорезание зубов и дальнейший их рост, прочность и красоту.

В настоящее время обряд *дандонмушак* утратил свой магический смысл и проводится как веселый семейный праздник, символизирующий пожелание долголетия и счастливой жизни ребенку.

Первые шаги ребенка. Обряды, связанные с первыми шагами ребенка, называются *погардак* (к. Рог), *попорак* (к. Парз) и *қадамдозон* (кишлаки Рог, Парз, Мадрушкат). Считалось, что эти обряды помогут ребенку научиться ходить быстро и легко; и теперь они по традиции соблюдаются в некоторых семьях.

Как только ребенок начинает пытаться ходить сам, исполняется

⁹ Подробнее см.: Мардонова А. Обычаи и обряды таджиков верховьев Зеравшана, связанные с появлением и выпадением молочных зубов у детей.—Изв. АН ТаджССР, 1973, № 1(74), с. 25–31.

следующий обряд. Двое взрослых берут его под мышки и медленно водят, поливая на землю воду и приговаривая: «Топ-топ ножками». Затем мать или бабушка водит ребенка по этому месту, произнося: «Пойди, как текущая вода бегом-бегом по улочкам». То же наблюдала и А. Л. Троицкая; несколько различаются только слова напутствия. Так, «в Матче часто говорят неуверенно ступающему малышу: „Ножка-ножка, дай-дай красный сапожок“» (с. 32). В к. Зимтут головку малыша при этом осыпают сладостями и вокруг нее обводят камнем, который потом разбивают на куски со словами: «Пусть голова будет крепка, как камень, а жизнь будет долгой». Под ноги идущего ребенка в к. Рарз клали вату, чтобы он в ходьбе был легок, как вата, а в Нижнем Гезане и Магияне — острый нож, чтобы он был ловок и быстр в беге.

Первая стрижка волос (*муйсаргирон*) и ногтей (*нохунгирон*). Церемония первой стрижки волос в кишлаках Гезан, Дар-Даре называется *муйсаргирон*, в Рашне, Магияне — *кокултарошон*.

Первую срезанную прядь волос младенца мать обычно сохраняла; в Матче, как сообщает А. Л. Троицкая, ее зашивали в тумар и вешали на плечо детского халатика или закапывали под плодовым деревом (см. с. 132). При первой стрижке у девочек оставляют немного волос на затылке, а у мальчиков — на висках. Прежде оставленные пряди волос (или одна из косичек) посвящались мазару. Обычно так стригли детей, которых долгие годы ждали в семье, либо часто болеющих. Иногда родители срезали *нарз* — косичку, предназначавшуюся мазару, и привязывали ее к арче или другому дереву, поближе к мазару. Верили, что это обеспечит ребенку здоровье. В прошлом бывало, что косички *нарзи* носили юноши до женитьбы, а девушки до замужества или рождения первого ребенка. Отрезали их в момент закалывания обещанного мазару барана.

Сейчас во многих семьях обряд *муйсаргирон* отмечается как день рождения ребенка, когда ему исполняется год. А. Л. Троицкая писала, что в Фальгаре в этот день мальчика «сажали на барана, а затем на лошадь с пожеланиями ему богатства» (с. 132). Нами эта деталь обряда не зафиксирована.

Когда ребенок научится ходить, ему подстригают ногти. В кишлаках Фароб, Махшевад, Искодар и Магиян для этого приглашают почтенного старика, пекут лепешки и приготавливают плов. После угощения старик кладет руку ребенка на лепешку и стрижет ногти, приговаривая: «Доживи до моего возраста, состарься и живи в изобилии». Срезанные ногти выбрасывают в речку, чтобы жизнь ребенка текла так, как вода в реке. А. Л. Троицкая приводит данные по Искандеровской волости, где остриженные ногти ребенка, завернутые в тряпочку, закапывали на берегу реки (с. 132).

Приобщение детей к труду (*дасбандон*). Когда девочка с матерью первый раз выходит на сбивание масла (*дугкаш*), одна из женщин привязывает ее своим платком к маслобойке (*чахдег*); когда девочка впервые подметает двор, ее привязывают к венику, при этом соседка бежит к матери (или бабушке) и говорит: «Поздравляем тебя, дочь у тебя стала помощницей, говори, чем ты нас будешь угощать». И пока та не пообещает угостить каким-то блюдом, они не отпускают девочку. Мать приготавливает обещанную пищу. Обычно это *фатирмаска* (кусочки пресной лепешки в растопленном масле) или *оши бурида* (суп-лапша), лепешки. Поев, женщины читали молитву *фотиҳа*, чтобы ребенок вырос здоровым и трудолюбивым.

Первое свое рукоделие — вышитую тюбетейку, связанные носки, тесемку *цияк* — девочка дарит хорошей и здоровой мастерице, иногда почитаемой старушке, чтобы стать такой же мастерицей и дожить до ее возраста.

Вообще, если ребенок (и мальчик, и девочка) брался первый раз за какое-нибудь дело, всегда выполнялся обряд *дасбандон*, основная цель которого заключалась в приобщении детей к труду.

Сравнение материалов 1926—1927 гг., собранных А. Л. Троицкой, и материалов, собранных нами в 1959—1961 гг., показывает, что обычаи и обряды детского цикла у таджиков Верхнего Зеравшана претерпели существенные изменения. Одни из них исчезли, другие трансформировались, появились и некоторые новые. Так, в сельских семьях еще сохраняется обряд укладывания в колыбель, однако присущая ему ранее религиозность теперь забыта. Он нередко приурочивается ко дню рождения ребенка, на который приходят родственники и друзья с подарками — купленными в магазине кроватками, колясками, детскими игрушками. Обряды, которыми прежде обязательно отмечались появление первых зубов, первые шаги ребенка, первая стрижка ногтей, волос, приобщение детей к труду, также утратили присущий им в прошлом магический смысл. По форме все эти обряды традиционны, при их исполнении по-прежнему произносятся традиционные формулы пожелания ребенку долголетия, здоровья и счастливой жизни, по существу же они являются всего лишь поводом для устройства веселого застолья, встречи родственников, друзей и знакомых.

В наше время получили широкое распространение и новые обряды, связанные с первыми годами жизни ребенка: торжественная регистрация новорожденного, празднование дня рождения, празднование начала первого учебного года и др.

Э. Ю. Джавадова, Г. Д. Джавадов

НАРОДНЫЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ И МЕТЕОРОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.*

Земледельческий календарь и связанная с ним система народной метеорологии — область народного быта, этнографически наименее исследованная¹. В полной мере сказанное относится и к Кавказу², в частности к Азербайджану³. Между тем изучение этих проблем весьма существенно, так как дает возможность представить большой и важный пласт народной культуры, проследить и охарактеризовать многовековой хозяйственный опыт народа.

Настоящая статья, основанная преимущественно на полевых материалах, собиравшихся авторами в течение многих лет в различных историко-культурных зонах Азербайджана, — первая попытка характеристики народного земледельческого календаря и метеорологии азербайджанцев. Используются также довольно редкие в дореволюционной кавказоведческой литературе свидетельства бытописателей XIX — на-

* В основу статьи положен доклад авторов, прочитанный на Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг.

¹ Из весьма немногочисленных работ на эту тему следует назвать: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. М.: Наука (Зимние праздники — 1973; Весенние праздники — 1977; Осенне-летние праздники — 1978); Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

² См., напр.: Трофимова А. Г. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем. — Сов. этнография, 1961, № 1; Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. — VII Межд. Конгресс антропологических и этнографических наук [Доклады советской делегации]. М.: Наука, 1964; Чибарова Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1976.

³ Некоторые сведения о народном календаре содержит работа: Дадашзаде М. А. О двух народных праздниках. Баку: Элм, 1970 (на азерб. яз.).